

Новый этап в пространстве Звериных Посланников начался вскоре после концерта Линьхуа. На этот раз испытание разворачивалось среди древних гор Чжунчжоу — места знаменитого, сплошь обросшего сказаниями и легендами.

Линьхуа, подстелив под спину толстые мягкие подушки, мчал Цзян Фэя по поднебесью.

Рядом не было посторонних, и змейка Ариэкс вне себя от радости раздался в размерах, рассекая облачные моря подобно исполинской птице.

Сигуан вальяжно восседал на змеиной голове, закинув ногу на ногу, скрестив руки на груди и нацепив особые солнцезащитные очки — вид у кролика был невероятно крутой.

— Эх, до чего же ностальгическое чувство... — мысленно вздохнул Сигуан.

Линьхуа отозвался ржанием, рассекающим свист ветра:

— В былые времена я вот так же мчал Преподобного сквозь небеса и землю!

Жаль только, из их двенадцати Посланников кто сгинул, кто поддался осквернению... И пути назад уже не было.

— Вы ведь обрели Созидание, ваши Последовательности эволюционировали... Почему же в итоге вы всё равно осквернились? — спросил Цзян Фэй.

— Да откуда ты вообще всё знающий такой выискался?! — фыркнул Линьхуа. Поворчав для порядка, скелетный конь уступил и задал встречный вопрос: — В Чжунчжоу есть Последователи рангом выше S?

А ведь и правда — ни одного.

Самый старый из них, Цзогу, проскрипел два века, но его ранг оставался неприступным и незыблемым, словно его же затяжное холостячество.

— Говоря вашим современным языком, Созидание — это эволюция генетических номеров. А гены требуют стабильности. Любая же эволюция несёт с собой нестабильность, — растолковывал Линьхуа. — А там, где нет стабильности, возникают непредсказуемые риски.

— Ого, а ты разбираешься, — искренне похвалил Цзян Фэй.

— Ещё бы! Я вообще-то лекции по биологии слушал! — загордился конь.

Он слишком долго оставался в одиночестве. Обладая развитым разумом, Линьхуа в перерывах между визитами к спящему Преподобному совал нос во всё подряд.

— Плюс эволюции через Созидание в том, что ты сохраняешь собственное «я» и не пожираешь людей. Но это не значит, что на поздних этапах не вылезут проблемы.

Линьхуа сокрушённо вздохнул:

— Судьба любит сыграть злую шутку.

Вспомнив Синчэнь, Цзян Фэй задумчиво заметил:

— Если на ранних порах нет жажды человечины, почему на поздних стадиях её становится невозможно сдержать? Тут что-то не сходится.

— Преподобный разбирался с этим. Проблема всё-таки в Истоке Духов.

Созидание и Исток Духов — два абсолютно разных пути эволюции.

Исток Духов развивается из духовных корней. Люди, обретающие Созидание, изначально лишены духовных корней, а потому не подвержены влиянию Истока. Однако едва Созидание достигало S-ранга, генетическая структура теряла стабильность. В организме возникало нечто вроде ложного духовного корня, и через эту брешь просачивалась мутная цзи.

Слово за слово, и Цзян Фэй окончательно осознал мотивы Фу Сяо.

Вот почему Он во что бы то ни стало стремился запечатать Исток Духов.

— Преподобный говорил, что Созидание — это исконный путь эволюции для этих земель. В древнейших преданиях ещё до нашего времени упоминались люди, обретшие Созидание.

Тогда люди, эволюционировавшие под воздействием Созидания, становились опорой человечества, а земные владыки упивались почитанием потомков.

— А Исток Духов — пришелец извне. Он попросту несовместим с местной генетической эволюцией.

Цзян Фэй решил рубить узел под корень:

— А нельзя просто уничтожить Исток Духов? Разбить его вдребезги — и делу конец.

— Не выходит! Преподобный пытался, его не разбить.

— Хочешь сказать, наш Преподобный не смог? Не потянул? — мгновенно сменил тон Цзян Фэй.

— Эй, ты чего это вдруг?! Что за двусмысленные намёки?! — скелетный конь едва не подпрыгнул в небесах от возмущения.

Линьхуа не даром был продвинутым пользователем сети: он сразу заподозрил, что Цзян Фэй попросту провоцирует его и заманивает в ловушку.

— Чует моё сердце, ты меня надуть пытаешься!

Спина Линьхуа ощутимо прогнулась: у бока скелетного коня плавно заколыхался узнаваемый змеинный хвост Фу Сяо, а сам Цзян Фэй оказался в объятиях ледяного тела.

Цзян Фэй чуть запрокинул голову. На губах играла улыбка, но в глазах затаилась изрядная доля ехидства.

— Преподобный, так что скажешь? Разбить Исток Духов реально или не по силам?

Фу Сяо ещё не успел ответить, а Цзян Фэй уже с ухмылкой добавил:

— Ах, прости, совсем забыл. Линьхуа же сказал, что ты у нас... не тянешь.

— Цзян Фэй! Я к тебе со всей душой, а ты!.. — возопил Линьхуа, поняв, что преемник Преподобного — редкий паршивец.

Фу Сяо погладил Цзян Фэя по шее:

— Тяну я или нет... разве ты сам не проверял?

И если бы Цзян Фэй тогда не прочувствовал всё на собственной шкуре, разве сбежал бы он в ужасе на материк Синьлу?

Но в словесных перепалках Цзян Фэй проигрывать не умел. К тому же предсказанное будущее всегда можно изменить, да и кто знает, сбудется ли то, что он видел.

— Сны — они и есть сны, — с невинным видом протянул Цзян Фэй. — В снах чего только не причудится. Если ты у нас такой умелец, то давай...

Договорить он не успел: любезный Преподобный едва не раздробил ему бок пальцами.

Свернув хвост кольцами, Фу Сяо восседал на голове Ариэкса. Его осанка лучилась изысканным благородством, и лишь слегка трепещущий плавник на кончике хвоста выдавал глухое раздражение.

Цзян Фэй то и дело отвешивал колкости, называя его «немошным» да «посредственным», и в итоге был отправлен отбывать наказание — ехать дальше на Линьхуа в одиночестве.

Линьхуа теперь и знать не хотел этого вредителя, от которого вреда было больше, чем от любого осквернённого. Но Цзян Фэй и не думал оставлять его в покое.

— Преподобный поддался осквернению из-за того, что поглотил Исток Духов, — произнёс Цзян Фэй.

Из конских ноздрей вырвался фыркающий звук. Линьхуа ничего не ответил — ни подтвердил, ни опроверг.

Зато Цзян Фэй умел схватывать всё на лету:

— Значит, достигнув S-ранга, Преподобный не осквернился так, как остальные?

— Ещё бы! Это же наш Преподобный! — не удержался Линьхуа, и в его голосе прозвучала искренняя гордость.

Цзян Фэй тоже восхищался Им, но привык смотреть на вещи трезво, отбросив личные симпатии и ища лишь правду.

— Главное отличие Преподобного от всех вас — это его гибридная, неоднородная генетика.

Это был факт: Фу Сяо вобрал в себя слишком много чужеродных генов.

Вспомнив ту первую ночь из пророчества, Цзян Фэй сжал пальцами костяной вырост на спине коня и тихо спросил:

— Он... потом сам добровольно вживлял в себя новые и новые гены?

Владыка Горы не давал Фу Сяо кроличьего тела. Значит, кроличьи гены в Нём могли появиться только от Сигуана.

Линьхуа молчал. Он был разговорчивым конём, но меньше всего на свете любил беречь старые раны и вспоминать, через какие муки прошёл его владыка.

Молчание стало лучшим подтверждением.

У Цзян Фэя сжалось сердце. Слияние с чужеродной генетикой стало для Фу Сяо истоком всех страданий, причиной гибели близких и превратилось в вечную травму. И после всего этого Он, уже не человек и не аномалия, обречённый скитаться чужаком среди людей, снова пошёл на это...

Трудно даже представить, с какими чувствами Он вживлял в своё тело чужеродные гены.

Но у Него не было выбора. Он обязан был найти новый путь.

Созидание возвысило Его, Его соратники благодаря Ему обрели силу, эволюция не останавливалась. И когда Он преодолел порог S-ранга, не утратив разума, когда разил небожителей и верил, что худшее позади... именно тогда вокруг Него — возможно, начиная с Синчэнь, а может, с Ушу — вновь начали проступать признаки осквернения.

Исток Духов не иссякал. И Фу Сяо Сам превращался в новое Бедствие.

Цзян Фэй обернулся к Ариэксу. Фу Сяо безмолвно восседал на голове змея — исполненный спокойствия и величия, словно самое прекрасное воплощение этого мира.

Цзян Фэй закусил губу и опустил взгляд. Ему вновь — в который уже раз — нестерпимо захотелось поцеловать Его. Совсем как в тот самый первый день.

Видя, что Цзян Фэй и так обо всём догадался, Линьхуа перевёл тему:

— Гены обладают активным отторжением. Никто из нас не мог принять чужую генетику.

— А Преподобный? — спросил Цзян Фэй.

— Так это же Преподобный! — с искренним трепетом отозвался конь. — Он — избранник Созидания!

— Но Ему ведь всё равно было больно, — прошептал Цзян Фэй. Он помнил то чувство растерянности на Пути Аксиомы, когда касался основания змеиного хвоста.

Какая бы боль ни терзала плоть, она не сравнится с леденящей пустотой в душе.

Линьхуа не стал развивать тему. В его глазах Преподобный всегда оставался нестигаемым и могущественным; Он никогда не жаловался, и Линьхуа даже в голову не приходило задумываться о Его боли.

— Позже Преподобный создал Гвозди Алого Ослабления Духов... Но это лишь средство убрать симптомы, болезнь они не лечат.

Запечатывание не могло остановить осквернение, но под давлением гвоздей удавалось подавить жажду пожирать людей.

— Ушу был первым, кто опробовал это на себе. Во-первых, он больше не мог тянуть время, а во-вторых... он раньше всех пошёл за Преподобным.

Ушу говорил, что верит Преподобному. Говорил, что как старший обязан принять удар на себя.

Никакой эксперимент не даёт гарантий с первой попытки, риски были огромны.

Цзян Фэй вспомнил всё, что видел на материке Ушу.

— Он не оставил после себя ничего.

Ушу утратил остатки разума, но даже так, приняв удар первым, он заложил фундамент для всего дальнейшего пути Цзян Фэя.

В ожидании преемника Фу Сяо лежал подле своей принцессы, так и не услышав больше ласкового «братик».

— Сколько гвоздей Преподобный вбил в самого себя? — спросил Цзян Фэй. — Организм всё усвоил?

— Когда гвоздь вонзается в самую суть, намертво блокируя разум... это невыносимо больно, — Линьхуа явно не любил вспоминать те времена. — Синчэнь забила гвозди по всему телу и мгновенно лишилась разума. Ариэкса вообще пришлось вытаскивать из котла: его успели сварить наполовину, а хвост и вовсе обглодали до костей. Едва спасли.

Ариэкс с рождения обладал невероятной живучестью.

— Он у нас трусоватый: вбили два гвоздя — и порядок. Но людей после этого стал бояться до полусмерти. Раньше проходу Преподобному не давал, а теперь при одном виде Его дрожит как

осиновый лист.

Линьхуа печально усмехнулся:

— Стал до ужаса боязливым. А я... я стал случайным исключением. Повторить мой успех так и не удалось. Преподобный вживил мне часть своих генов, и это дало эффект, но лишь отсрочило неизбежное. Осквернение это не остановило.

Линьхуа вспомнил прошлое. Преподобный девять раз запечатывал все акупунктурные точки своего тела, каждый раз умирая от адской боли. Но проходило немного времени, и Гвозди Алого Ослабления Духов просто растворялись в Его теле.

И осквернение возобновлялось.

Линьхуа тогда спросил владыку, что делать дальше. Преподобный долго молчал, а потом ответил:

— Я и сам осквернён. С какой стати мне делиться с тобой, двуличная ты лошадь?

Он готов был открыть правду только преемнику — и только тому, кто пройдёт Тайный путь, не ведая пощады.

«И где это я двуличный?!» — Линьхуа обижался на эти слова не одно столетие. И теперь при каждой встрече язвил и вредничал.

Линьхуа спросил Цзян Фэя:

— Теперь ты понимаешь, что нужно делать? Преподобный больше мне не верит.

Цзян Фэй вспомнил слова Фу Сяо, когда тот вонзил Гвоздь Алого Ослабления Духов ему в мочку уха:

«Ни мне, ни Линьхуа верить нельзя».

Они оба осквернены. Фу Сяо ничего не рассказал Линьхуа о своём решении, но если бы тот узнал, то ни за что не стал бы помогать Цзян Фэю.

Их Преподобный и без того взвалил на себя слишком много. Даже если Он существует в таком полуживом состоянии, Линьхуа не желал Ему смерти и тем более категорически отвергал вечное запечатывание.

Скелетный конь скорее согласился бы на то, чтобы весь мир погрузился в осквернение.

А Фу Сяо, сдерживавший Исток Духов и сохранявший разум, коего быть уже не должно, являл собой истинное чудо этого мира.

— Сила Созидания теперь в твоих руках. Сможешь ли ты найти способ всё изменить? — спросил Линьхуа. В пламени его пустых глазниц невозможно было прочесть истинные замыслы.

Но конь верил, что с Преподобным ничего не случится. Тот окончательно осквернён и ни за что не подскажет Цзян Фэю настоящий способ навредить Себе.

— Способ обязательно найдётся, — тихо проговорил Цзян Фэй.

По крайней мере, Фу Сяо всё ещё жив. Разве этого мало?

Гора Лаошань возвышалась в самом сердце Чжунчжоу: кряжистые пики уходили в небеса, а меж них клубился плотный туман.

В смертном мире об этом жутком месте до сих пор ходили мрачные легенды. Вредные миазмы окутывали горы словно незримый барьер, в котором сгинул не один путешественник.

Линьхуа тем временем вводил Цзян Фэя в курс дела:

— Пространства Сычэня и Шоуе довольно специфичны. Эти двое были неразлучны, а потому после смерти одного и перерождения другого так и не расстались. Так что перед тобой окажется не одиночный аномальный объект и уж точно не простой Тайный путь.

Это было испытание, устроенное самим Преподобным. И каждая следующая проверка становилась сложнее предыдущей. Не сумев пройти здесь, нечего и помышлять об остальных испытаниях — всё равно что идти на верную смерть.

Линьхуа увёл Цзян Фэя в самую глубь этого непроходимого леса. Цзян Фэй спрыгнул с коня: под ногами шуршал толстый ковёр из прелой листвы, а вокруг высились скрюченные, зловещие деревья.

В эти земли прежде не ступала нога человека.

[Поздравляем! Вы вошли в пространство аномалии А-ранга — Хуаньшу Алчности!]

****[Поздравляем! Вы вошли в пространство аномалии S-ранга — Ночной Пёс, Ожидающий Возвращения!]****

— Ты говорил про баг. Что ты задумал?

Линьхуа всю дорогу ждал этого вопроса!

— Хе-хе! А ты знаешь, как выглядит Хуаньшу?

Цзян Фэй вспомнил лекции Цзогу:

— «Обитает там зверь, обличьем подобный коню, с одним рогом»?

Единорог из древних сказаний.

— Именно! А Шоуе в прошлом во всём полагался на свой нюх и был абсолютно слеп на лица. А после осквернения у него ещё и нюх отшибло!

Линьхуа гордо покрутил своим свежим черепным рогом:

— Я отвлеку его и уведу подальше, а ты сэкономишь кучу времени!

Но на этом сюрпризы не закончились. Линьхуа передал Цзян Фэю небольшой магический планшет, в центре которого светился экран.

— От скуки в прошлые годы я прорыл лазейку к самому ядру Сычэня. Там можно запустить Симуляцию Жизни. Один из модулей ядра отсоединялся, вот я его и умыкнул, переделав под понятный тебе интерфейс.

Цзян Фэй потыкал пальцем в настройки и увидел, как внешность человека на экране меняется вслед за движениями бегунков.

— Но учти: это не халявный чит! Испытание всё равно придётся проходить по-честному! — сначала строго предупредил конь, а затем указал на лицо персонажа: — Это заготовка NPC из Зазеркалья. Ты можешь настроить его внешность так, как тебе нравится, и он будет сопровождать тебя в задании.

Пальцы Цзян Фэя замерли.

— И какова суть этого испытания?

— Сладострастие. Требуется непреклонность и верность.

Преподобный был мудр: Он не требовал от преемника отречения от чувств, но и разврата не терпел. Не наведёшь порядок в собственном сердце — как удержишь порядок в мире?

Потому Линьхуа и предложил эту хитрость: если Цзян Фэй создаст спутника с идеально подходящей ему внешностью, пройти испытание станет гораздо проще.

Но Цзян Фэй думал совсем о другом.

— А поиграть с настройками можно?

— Ещё бы! — бодро заверил Линьхуа.

Ариэкс вальяжно подполз ближе, а восседавший на его голове Фу Сяо одарил Цзян Фэя тяжёлым, тёмным взглядом.

Цзян Фэй быстро зафиксировал нужные параметры, с дерзкой ухмылкой развернул экран и показал результат Фу Сяо.

И под пристальным взглядом Преподобного нажал кнопку подтверждения.

— О-о-о, — протянул Цзян Фэй с наигранным предвкушением, — ну тогда я оттянусь по полной!

— Ведь всё работает, верно?

Линьхуа, ничего не подозревая, поддакнул:

— Да железно работает!

<http://bllate.org/book/19820/1992644>